

Василина Орлова
Мифическая
география

Василина Орлова

Мифическая география

Москва
«Воймега»
2016

УДК 821.161.1-1 Орлова
ББК 84 (2Рос=Рус)6-5
О66

Дизайн серии: Сергей Труханов

В. Орлова

О66 Мифическая география. — М.: Воймега, 2016. — 88 с.

ISBN 978-5-7640-0183-8

Василина Орлова родилась в 1979 году в посёлке Дунай Приморского края. Окончила философский факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, кандидат философских наук. Работала журналистом на телевидении, обозревателем газеты «Московские новости». В настоящее время пишет докторскую диссертацию в Техасском университете в Остине, преподаёт антропологию там же. Автор сборника стихов «Босиком», романа «Пустыня», собрания заметок «В оправдание воды» и других книг. Стихи, вошедшие в книгу «Мифическая география», были опубликованы в журнале «Новый мир», на сайтах «Полутона», «Топос» и в других изданиях в 2010—2015 годах.

Книга издана при поддержке Алексея Коровина.

© В. Орлова, текст, 2016
© С. Труханов, оформление, 2016
© «Воймега», 2016

Достоевсковед

Москвовед встречается с достоевсковедом,
И они идут на обед,
На котором обедают гусиным паштетом
И находят нормальным гусиный паштет.

Москвовед заматывается в красный шарфик,
И в шаль кутается достоевсковед,
И они заказывают маленький штофик,
Первый за сотню лет.

Москвовед с достоевсковедом пережидают бури,
У них есть их Москва, Достоевский, паштет.
Москвовед задумчиво курит,
И задумчиво пьёт достоевсковед.

Не горька вода, не вкусна отравка,
И зелёная в декабре на дворе трава,
Кризис крадётся в арку и направо,
Топ-менеджер лежит на траве двора.

Случается всякое, всякое и такое.
И не такое случается, заканчивается обед.
Москвовед встаёт, расплачивается и уходит,
И женщина-достоевсковед.

Будочник

Электричка шумит, набегая,
Как будто вскипает чайник.
На засиженной мухами стенке Даная
Висит нагая,
Крепкими светит плечами.
(Из журнала «Огонёк» вырезали, не иначе.)
Будочник глядит на неё, не видя
И не мигая.
Лай собачий
Ничего не значит.
В тумбе его записка.
В лапах его Овидий.
За забором город, за городом — хорошо: природа.
На заборе граффити про людей и уродов.
Будочник — сам себе начальник.
Ветер доносит собачий брёх с того огорода.
Закипает чайник.

Гроза

Сияет волнистое зеркало пруда
И меркнет, едва отразив
Зелёную видимую отовсюду
Зарницу повторной грозы.

Деревья столпились у края канала,
Сошлись на большой водопой.
Небесный садовник, любитель фракталов,
Согнал их пятнистой гурьбой.

Лопочут сквозь сон на скрипящем санскрите
И ветхий ведут разговор.
Небесный фотограф — единственный зритель,
И блещет грозой его взор.

Сверкает беззвучная серия вспышек,
Запечатлевая черты
Всех листьев упавших, и капель повисших,
И парковых тропок пустых.

И в линзах дождя увеличились листья.
Разжат диафрагменный зев.
И майка в облик на волейболистке —
Красотке из гипсовых дев.

Другой случай

Сидела на углу реки, руки сложив,
Грифон
Положил умную голову на хозяйкино колено
И обслонявил джинсы,
Задумчиво чесала его за ухом, задевая медные чешуйки ногтями,
Как струны лиры,
Потом встала
Да и оборотилась,
Глянула на меня ненароком.

С тех пор сама не своя, брожу шатаюсь,
Натыкаюсь на ветки, спотыкаюсь о тени поперёк дороги,
Вчера ушибла локоть, сегодня бровь раскроила.

Хожу на берег, как лунь болотный, поэт гриппозный,
В тупой надежде, придёт оттуда,
Не ждёшь откуда,
Но там только белоглазая выпь, да редкий туман прядут
Студентки текстильного института.

Портрет

Я давно никуда не хожу и ни с кем не дружу
И прогорклое семя ромашки варю и глотаю,
Наступаю на хвост расписной пояску и ужу,
Уползающему под кровать, а о прочем не знаю.

Что ты скажешь среди потемневших от горестей книг
В комнатушке цветной и обжитой электросверчками,
Что ты скажешь со стенки своей, маразматик, старик,
В проезжающем свете блестящий по-рыбьи очками?

Парят в тигле небесном большую зелёную жуть,
Механизмы идут друг за другом в дождливом мазуте.
Хром скользит, отражает и плавит оконную ртуть,
И в асфальтовых порах набухшие капельки ртути.

Итальянская площадь

Врезался плитой базальтовой
В пену моря мордой острой
И полынным дышит запахом
Полудикий полуостров.

Полотенца здесь полощутся,
Как победные штандарты.
А на аккуратной площади,
Как на аккуратной карте, —

Открывается под окнами
В золотой тени платана
Статуя кого-то конного.
Видно, местного тирана.

Баба Валя

И что потом её состарит —
Бульдозер, школа, леспромхоз,
Начальство, кухонные свары,
Дрова, колодец, пыль, мороз?

Но летняя алеет лодка,
Пока его всерьёз влечёт
Неторопливая походка
И кружевной воротничок.

А что сегодня утешает
Под старость лет, в чужом дому, —
Всего того никто не знает
И знать не надо никому.

Ведь нет торжественней закона
Над летней блестящей рекой,
Чем кумачовый плеск с перрона
Косыночки её простой
И взмах рукой в окне вагона —
Недостигаемой рукой.

Сергей Васильев

Зашёл ко мне
Сергей Васильев,
принёс
кизилового сока,
мандарины, хризантемы, папиросы
и абрикосовое варенье.
Кольцо с хризопразом
светилось на безымянном пальце
почему-то,
само
как ромбический лепесток
хризантемы.

Хронический насморк.

— К тебе такие люди приходят — образованные, обеспеченные. Держи всегда всё в аккурате. А то пришёл парень, и сразу в глаза бросится — хозяйка она или не хозяйка, — сказала бабушка так, чтобы Сергей слышал.

Он пробыл часа два —
два с половиной,
я лежала,
так как я болею,
и сморкалась в огромный клетчатый платок, а он
читал стихи.

И Хлебников, и Баратынский,
и Жуковский,
и Надсон, и Бурлюк,

и даже девушка,
его знакомая,
в две тысячи шестом
повесившаяся на хрустальной люстре.

И ходики висели
в той комнате, и розовые обои
с витыми розами, которые повтореньем
крючков плетистых,
лепестков нелепых
напоминают
голограмму.

А бабушка, оглядывая его дары, уже после ухода,
сказала:
— Смотри-к. Задуматься можно.

И, погода:
— С полочки он?

Тропинка

Так идти, по разбитой дороге в разбитых ботинках,
Через лютики, что распустились под вечер,
От духа их не продохнуть.
Так идти, вдоль стерни, что затянута дымом ли, дымкой, —
Пройти как-нибудь —

Мой фонарик
На слабеньких батарейках —
Верный друг, освещает мне путь.

Проскользнуть как-нибудь,
Только сделать нелепую рожицу с глупой ухмылкой,
Повернувшись пугливой спиной, беззащитным затылком.

Московское метро

Гильотинный лязг — закрываются двери.
Осторожно, граждане, следующая станция —
Та, где ещё вы не были, ведьмы и изуверы.
Поезд больше не останавливается.
Скрип сустава состава и опыт сдвига —
Лампы дневного светика полусумеречного.
Диктофон, телефон и книга —
Пыточный реквизит в дамской сумочке.

Из Лорки. Пригрезившееся

Ампаро сидела на белом балконе,
Локоны подколов.
Струи фонтанов бренчат, далеко ли?
Запад бледно-лилов.

Ампаро, лицо опустив, вышивала
Лилии, герб и крест.
И ветром из сада слегка колыхало
Прозрачную тень занавески.

Ампаро встала, заслышав где-то
Вдали рожка перелив.
Древесный сырой аромат амаретто.
Синих тяжёлых слив.

Снова Ампаро берётся за лилии.
Линии на века.
И вроде напротив портрет Муссолини.
Но не наверняка.

Озеро

Жёлтое, медное — всыпано в озеро,
Крупными жменями, взмахами быстрими.
Кто-то растряс мимоездом, разбросано —
Мелочью, никелем, брызгами, бисером.

Столько богатства — на голые пустоши:
Втоплено в грязь, на земле позамешано —
Ветер срывает со стоном, без устали
С клёна, берёзы, рябины, черешни.

Ветру ни отпуска, ветру ни роздыха.
С этого берега мы не рыбачили.
А хорошо в остывающем воздухе
Быть как рябина — пустая, прозрачная.

И хорошо быть поблизости — около,
Но отстранённо слегка, разумеется.
И полюбить чьи-то руки и локоны,
Холодновато, конечно, умеренно.

Так и шатает — вы пьяное, дерево!
Ножик потерял, колени испачканы.
Мы не рыбачили с этого берега —
Только с того. Да и то — не рыбачили.

Киев

Небо Киева вымощено каштанами,
Изузорено шестипальными лапами.
Киев полнится неустанными
Дождями, липами, гладиолусами и мятами.
Тротуары Киева вымощены
Раздавленными абрикосами.
Дома его увиты плющами,
И тминами
Пахнут девушек косы.
Киев — город пьяный и нежный,
Ждёт, раскрыв свои рты, грозы.

Его пальцы все в шелковицах.

Невиданные звери на киевской набережной
Прогуливаются до утренней росы,
Стуча когтями о парапеты.
Песни ещё не все спеты,
Но зато которые спеты —
Все уже перепеты.
Киев — любитель очень сладкого кофе,
Абсурдного модерна,
Кучерявого рококо, горбоносого барокко.
Мармеладное тянет винишко.
Луна висит в нём вызывающе одиноко.

В кофе они плеснули — они сделали это нарочно —
Розовых густых сливок
Немного слишком,
А может быть, не немного.
Или не слишком.

Жеже

До трёх утра читала твой жеже,
Как будто бы покинутый уже,
Как раковина бедного моллюска.
Как руны на надгробии этруска.
Под утро громыхнули жалюзи.
Орлова, мол, давай не тормози.
И я очнулась, где, не понимаю —
Не то в Москве, не то на небесах,
В соплях, не то
В простуде и в соплях,
Не то в бреде, не то в преддверье рая.
Пора, мой друг, захлопнем ноутбук.
Увидимся в аду, мой бедный друг.

Сан-Марко

А она оказалась меньше, эта самая Сан-Марко.
Нельзя, конечно, сказать, что всё путешествие насмарку.
Я и раньше бывала в разных странах,
Где люди на птичьих языках говорили без запинки,
И я оттуда привозила открытки и травинки,
Там вставали на три часа позже или раньше
И принимали меня за иностранку,
Как правило — немку, порой — скандинавку,
Но эта Сан-Марко, эта Сан-Марко.
Розовая из камня и, хотя не стеклянная,
Как стеклянная.
Вдобавок насморк.

Нипочему

город неплотно затянут чем-то
вроде пелены белых цветов цветущего орехового
я думаю кватроченто
надеюсь это всё зачем-то
из своего раскатившегося нипочему
в торжествующем данизачем
сдержанного ликования
и запрыгавшего по ступеням

Тряпочка

кухонная тряпочка моя!
для чего ты протёрлась?
неужели даже тряпочки — казалось бы, уж тряпочки,
уж ладно, уж тряпочки-то —
и те не вечны?

Железная дорога

Хотела бы я понять, как
Ты видишь эту комнату с косым лучом,
Лежащим ромбом на полу.
Из каких миров
На каком мосту,
Навесном, четырёхэтажном,
Ввиду каких небоскрёбов
И неба, перечерченного крест-накрест
Несущими конструкциями,
Ты вспомнишь
Дедов сервант
Со старой железной дорогой?
Поезд идёт со станции
Через четыре минуты.
Из трубы валит дым,
Звенят окошки и дверцы,
Вагоны постукивают на стыках,
Свистя мимо начальника станции,
Который стоит в форме и в фуражке,
Фонарь качается в пластиковой руке.

Лакан

Они алкали и лакали
Из уст Лакана молоко,
Но ничего не понимали,
Однако это ничего:
Лакана в лайковых перчатках,
С гербом горбатым на печатке,
Лицом пустым, причёской гладкой
Любить вообще-то нелегко.

Жук

— Мой брат мне сказал,
Что кусаются эти жуки,
Вы знаете моего брата? —
На пальцах с обгрызенными ногтями
И ещё не до конца сошедшим лаком,
Черешнево-красным,
Сидел и впрямь жук,
Удивительно крупный,
С усами щёткой.
— Так что вы уж его не берите,
Он вас укусит.
Но меня не укусит —
Меня он любит.
Он хочет ещё побыть со мной.
Я слежу, чтобы он не упал.

Троллейбус

Дребезжащий троллейбус
Прозвенел ночной Москвой,
Отсчитал жестяными костями
Меру булыжников квадратных,
Забрызгана фара его
После ночного дождя.
С пятого этажа
Фортепьянная фраза
Влетела в моё раскрытое окно
И задрожала в комнате,
Уткнувшись в книжную полку,
Рассыпалась кубиками на полу,
Разлетелась.
Я вытерла тыльной стороной ладони
Рот сухой, тополиным пухом забитый.

Медведи

Ну всё, а теперь —
К «Яру», к цыганам:
Медведи в платках и в монистах,
Шампанское в серебряном ледяном ведре.
Жидкую хрустальную люстру
Застегнуть на голой спине
На ступеньках театра, ведущих к фонтану на площадь,
Лубянку накинуть небрежно на плечи,
В муфту лисье спрятать лицо —
И поехали
На тройке твоей быстролётной,
Двухцилиндровой «Победе»,
Сто две лошадиные силы
С колокольцами, зелёным огоньком
Радио «Шансон»,
Снежный прах бурана
Завить по дороге мёртвой.

Носитель подводного языка

Проснулась ночью
Носителем подводного языка
От летнего дождя,
Что барабанит по жестяному карнизу.
Книзу
Тянутся ветви деревьев,
Если смотреть
Наоборот.
В шкатулке музыкальной
Сломан замок: не замолкает,
Если и крышку закрыть,
Пока не иссякнет завод.
Вращается валик латунный,
Лепестки металлические
Цепляются за зубчики.
Страницы в старой тетрадке слиплись,
На одной нарисованы
Те часы на стене твоей.
Их запятнали
В окне толпящиеся липы.

Наррация

В кожаной куртке шагает
Аркой громадной,
В луже зеркальной
Чёрный
Отражается автомобиль
В дрожании лампы;
Дымит папиросой,
На связь
В полночь выходит
И спрашивает:
— Сестра,
Есть ли ещё
Таблица
Шифровальная в памяти
Твоей изнасилованной?
Передатчик
Не отсырел?
Мой верен мотор,
Заменено
Машинное масло.
Наррация, дорогая
Наррация,
Ты помнишь твои позывные,
Рация
Есть у тебя?
— Да, — отвечает сестра, —
Я всё,
Я всё
Сберегла.

Чего не может быть

По улице бежит арба,
Подпрыгивая на ухабах,
Осёл весёлый в шитой золотом попоне
По камням её везёт.

А хочет он того, того,
Чего, чего не может быть.

В луже, отражающей дома,
Войлочный клочок, отрывок воробья, всё чистил клювиком
Прилежно
Ему приснившиеся перья,
Очень маленькие перья,
Бороздки с крючочками,

Бороздки, пластинки, стержни мягкие,
Пух легкомысленный и тёплый,
И стучал сердчишком,
Отдавалось
На площади большой,
Как маятник часов,
И тень, растущую от башни,
Площадь поперёк пересекает.

А хочет он того, того,
Чего, чего не может быть.

Кораблик дорогой лежит бумажный и не трогается с места —
Намок бумажный парус, потекли чернила,
Как тушь красавицы неводостойкая,
Застигнутой дождём,

В расстёгнутую куртку
Его я спрячу
Ближе к сердцу свитера под куртку.

Ведь я хочу того, того,
Чего, чего не может быть.

Пианино

Как его засыпало звёздной пылью в бессрочной ссылке.
Вечная летняя переменчивость клавиш.
Открываю крышку — ссылка на ссылке.
По отзывчивому легко ударишь,

И побежали, спотыкаясь, перебирать диезы
Отвыкшие пальцы.
Ни одной отзвеневшего Черни не помню пьесы,
Ни одной рассыпавшейся на стаккато фразы.

В музыкальной школе по коридору смехом
Заканчивалось сольфеджио, птичий свист пьянил нас.
Лёгкая педаль отдаётся протяжным скрипом и струнным эхом
В деревянном теле дряхлого моего пианино.

Далёко

летнее далёко
фудзиямы облаков поднимающихся над городом
чья каёмка
как-то одиноко
и с левой стороны распорото
вон летят клочья
как стрелы лучи
как косые ливни

ювелирная выюлила оса
пришла и залипла
в хрустальное повидло
красное такое
почти уже синее
на блюде размахрившаяся крошка
яблока вываренного

Пейзаж

В пустой консервной банке у пруда
Немного тоже есть водицы.
А почему и не сюда
Мне возвратиться?

Открытой раной бок больного пса,
Крапивы заросли благие.
Над чёрным лесом небеса
Жемчужные и голубые.

Яуза

яузы зияющую язву
стежками мостов стягивало не стянуло
закат медно-красный
стёк по излучине золотого купола

наплавил текучей амальгамы
и мерцающей ртути
чёрных фасадов гипсовые пентаграммы
как часы отщёлкивали минуты

и утекли со светом стёкла на магистрали
в сумрак подвижный с проблесками сигнальных
в лету свою смурную в неразбериху мёртвых

и лишь трапециевидный призрак теплоцентрали
так же раскручивал тихо щупы дымов спиральных
пар извергал и копоть грел на огне реторты

Монумент

фундамент монумента
Мандельштаму
был как город
как архитектура
на Марсе яблони цвели
у парапета
мраморного
панорама
открывалась на густую речку
напоминавшую по консистенции гаспачо
мясо помидоров
убитых холодно за ящиками склада
где тёк их сок мешаясь с гноем
и ничего ведь ничего
не надо
только отпустите

Ценитель

ценитель табаков
напитков алкогольных
знаток феноменологии
четырёх благородных

цукатов цикут вкусивший
широкий рукав парусиновый
вещую убежур приручивший
голос нежный слегка сильный

для римлян римлянин
для некурящих некурящий
щит из чёрного солнца
со львом горящим

скользит вешалок между
стёкла не отражают
маячит за моим правым
во рту — змеиное жало

Житие

Как ни бились, не мог отличить от анапеста дактиль,
Архетип от гештальта, милорда от Гоголя, Спарту
От Афин, алой розы от белой, говна от повидла,
Но зато отличал с полувзгляда авидью от видьи.

Экзегеза казалась сестрой экзекуции, докса —
Разновидностью таксы, и путал Ахуру с Икаром,
А шумеров с аккадцами, звал парафраз парадоксом
И достиг абсолютной адвайты таким-то макаром.

Ночное

Меркнет родина малая с родиной старшей на небе,
Осветившая путь человечку с крикливым наганом,
Что бредёт с заседания позднего Аненербе,
Шевеля всеми восемью человеческими ногами.

И поила птенцов огуречным и клюквенным соком,
И снабжала их острым ромбическим бледным соском,
И тирлинькала птица совы, заблудившись в осоке,
И свистела своим милицейским свистком.

Жесть

В старом дворике тихом картонная дверца
Открывается редко-прередко.
Ты не бейся в кармане у самого сердца,
Одноногая птица-креветка.

Хоть обложки фасадов прочесть.
Задрожала как студень буддийская мочка.
Листы мятой жести
Громяхают свирельно и глухо на ветру водосточном.

Исчисление

Принялась исчислять
Облака и речи минувшего,
Но ничего не исчислила, кроме вкуса грушевого.
(С железными шариками кровать.)

Впрочем, ещё — гравюра была в старой книжке,
Слегка тронутой чёрной плесенью.
Купаться в пруду с мальчишками,
Сквозь кожу которых были видны их скелеты, было весело.

Острые ключицы, колени, голени и лопатки,
Ходившие словно куриные крылышки.
Кожа слегка посиневшая, в пупырышках.
От сорвавшихся капель воды разбухли страницы в тетрадке.

Иркутск

Иркутск, Иркутск, не рви
Беспомощное сердце
Своими форточками,
Свесившимися набекрень,
Велосипедом в садике тенистом
Распадных окон,
Бликующих, как хариус какой,
В махровой чешуе
Отставшей краски.

Барочного распада
Увядают деревяшки
Резные и похожие на хитро
Соструганные нежные листы
Дубовые, завившиеся книзу,
Как свитки, пожираемые пламенем
В костре на площади.

А бронзовые листики текут
И в землю, в землю утекают,
Как медь звенящая.
Бряцающий кимвал
Роняет звуки.

Сушится ковёр
Не первый месяц,
Основательно намокнувший в дожде,
Струится
Вода с него на грунт, и доски
Утоплены в расплавившейся глине.

Иркутск, Иркутск, не рви
Мне сердце сном раскрытым
На уровне второго этажа,
В котором разговор струится,
Что сам себе без перерыва снится,
Который мне подслушивать нельзя.

Гобелен

Лес, ожидающий грозу.
Ту-ру, ту-ру.
Охотники в рыжеющем лесу.
На гобелене кавалькада с дамой,
Возглавляющей отряд,
Ланиты розовы,
И шлейф настолько длинен,
Что круп коня с лихвою покрывает.

Грифона, давно тревожившего местных поселян,
Загнать решили, логово его
Не логово грифоново отныне,
А западня.

И вот уже красноармейцы,
Прикладом выбив дверь,
Сорвав заржавленный замок,
Толпой несмелой
Друг за другом молча
Проходят в зал покинутой усадьбы.
Ещё блестит паркет, натёртый воском.
И самый смелый
Рывком срывает скатерть со стола,
Летит на пол сорвавшаяся ваза
С засохшими цветами,
Дребезг, звон, осколки разлетелись по углам,
В полосках известкового налёта.

И вскинули винтовки, и зеркал
Расстрелянных наполнил-отозвался-рассыпался
По зале ослепительный фейрверк.

Висит меж рам дырявый гобелен.
Её высокомерная улыбка
Играет на заносчивой губе.

Знак

В тёмном саду, в тихом саду
Запеваёт железная птица.
Я туда никогда не приду.

Ясный восток, ясный закат.
Синих окон умытые лица.
Побреду по дворам наугад.

Низкий карниз, каменный лев.
Я пройду налегке и без цели
Мимо лавок, нигде не присев.

Дремлет вокзал, дремлет завод.
В сизой дымке холмы поседели.
Я пройду мимо чёрных ворот.

Мимо воды — мимо реки,
Где вдали замерла плоскодонка,
Полоса растворилась тайги.

В сени крыльца стая собак.
Удержать я хочу на ладони
Тени дерева выцветший знак.

Вечер

Всю дорогу сор и лузга
Сыпались с языка,
Сел один
На полуразрушенном деревянном пирсе,
Накренившемся, полузатонувшем,
Вы идите себе, говорит, тут вода, —
Огонь разожжёте, туристы?

В доисторическом небе, в распятыях трав,
Солнце медленно закатилось за край земли.
Со стороны Чайки доносились
Звуки простодушные дискотеки,
И вдоль самой кромки,
Где тонкое лезвие тумана,
Рассекающего водное тело надвое,
Идёт бесконечных ржавых цистерн состав,
Погромыхивая на русском языке.

Железнодорожное

Пути всегда свободны.
Поезд полминуты стоит
И полминуты идёт
Каждые пятнадцать минут.

По глади железной как водной.
Дымами небо кроит,
Пространство крадёт.
На станции дальней мигнут.

Из-под стеклянной крыши вокзала, где часы как секундомер,
Тащит, пыхтит
Хвост железный и многосоставный, как метеорита,
Мимо шантажа кафешантана и шиномонтажа,
Города ржавого гаража.

Еле слышный свисток великой механики,
Небесной симфонии сфер,
Как юпитер сипит
По эллиптической далёкой орбите,
Искру из рельсы сечёт, скрипя и визжа,
Чиркает и того гляди ещё загорится.

Колонны

Капля бьёт в барабан канистры.
По листьям в огороде дождик
Всё стрекочет с утра да и стрекочет.
На шкафу фотография дочки:
В областном деревянном загсе
В белом платье, фате кудрявой,
Держит под руку мужа ловко,
Мужа неловкого, в костюме.

А в прихожей у тёти Кати,
А в прихожей фотообои.
Золотые на них колонны,
Круглый пруд на них с лебедями,
Серебряной плакучею ивой
Над водой и цветущий садик,
Поднимающийся по террасам.

Египетск

Звонит, звонит лихая протоплазма,
Высматривая знамения на небе,
Безмолвно опрокинутом лицом пустым.
Из жести ангел флюгером служил
С трубой иерихонской и крылом,
Развёрнут в профиль.
Родной Египетск.
Здесь первопечальник
Ксерокопировал Цветник и Словник.
Морщинит ветер
Жита и пожити.
И овцы постны.
Девушка идёт,
На холостом ходу плетя пушисты косы,
И пиво курят бедокуры в шапках.

Век двадцатый

А век двадцатый нас не сцапал.
Он нас когтил, он нас царапал.
И на земле леса шумели,
И под землёй каменья гнили.
И зрели винограды винные,
И свитки древние свирели.
Мы были теми, кем мы были.
Мы были с теми, с кем мы были.
И там по небу тучи плыли
Волнистые и голубые.
И там по небу сны летели
Орлиные и голубиные.

Воспоминание

уходила с утра в поля где между облаком и землёй межа
и до самой вечерней сени
предавалась ничегонеделанию созерцанию и стихосложению
томик в мягкой обложке под мышкой зажав

облака
закипают в бледной реторте
в пыльную амальгаму пруда глядеть отрадно
жаль я так и не увидела ондатры усатую морду
а вот мои братья неоднократно

тропка заросла траву давно не косят
деду навряд ли понравилось бы на его характер
крестьянско-рабочий
но ничего он у нас не просит
и ничего он от нас не хочет

в ряд созерцаний
входил великий Принцип
о коем деревья наскрипывают санскритскую мантру
я дополнила московой список небесных провинций
да
и наконец увидела ондатру

Країна мрій

Країна мрій,
У-країна.
Кринка чи банка
На три літри
Сушиться, як при бабі Соні,
На тині.
Телевізор старенький «Панасонік»,
Який дивився ще дід Іван.
Може, і я по ньому щось побачу.
Але піду, як тоді, порибачу
І принесу ось таку рибину,
Коли проснусь, як тоді, на озері Киколове.
Подивися, мати,
Сріблясту я подужала піймати,
У тієї риби біле волосся,
Вона любить бігати по долу боса,
На мові нетутешній пісні співати
І на бабусиному ліжку спати.

Велось

Лишь бы дитя себе тешилось,
Лишь бы оно черешнилось,
Лишь бы оно черничкалось,
Птичкалось и ресничкалось,
Лишь бы себе аукалось,
Сказывалось, баюкалось,
Охотилось, крокодильчикалось,
Бренькалось, динькалось, тинькалось,
Велось, серебрилось, прыгалось.

Говорящая рыба

Гляди на эту рыбу с нежным ртом,
Крючок заржавленный язык её украсил,
Как речь ведёт у ивы под мостом
Поблёскивающий карасик.

О диво чудное, о дева и фагот,
Никто, никто тебе не прекословит.
Сама не понимает ничего,
Но нежным ртом чушь мудрую глаголет.

Под утро

Как торопки и тропки её рубежи,
И как лыжи легки и шаги,
И как видно участок весёлой ноги
И не видно обещанной зги,

Но навстречу рысит
В нараспашку пальто
Не то тихая хтонь,
Не то лось, не то понь,
Не то ещё какой конь,
Не то Эдгар Алланович По.

Глаза

Я снова видела, как небо
Сворачивается трубой.

И фабрика по ветру стелет
Свой пышный лисий хвост трубой,

И в отражении капота
Повёрнута вниз головой.

Златой карась на небе светит
И оборачивается вспять.

Не карась так страшно и ужасно
Свои монгольские глаза.

Император

О русь моя, о рысь моя, до боли
Нам страшен чудный путь,
Звезда как дура
Сияет в непровидческой ночи,
Как вбитый в стену гвоздь, пенькой прошитый.
О хрусть моя в суставах закоснелых,
Подай клюку, старуха,
Побреду,
Сношу ещё пятнадцать пар сапог
Иссиня-медных, на гранитной
Платформе.
К Александрову холму
Приду под утро, от грозы шатаюсь,
И, волосы колец меж пальцев-
Карандашей упрямо пропустив,
Скажу: ну здравствуй, или лучше вовсе
Так просто голову закину к постаменту.
Стоит и улыбается в пространство
Несчастный молчаливый император
Углом губы
И вытертой собакой,
Которой нос на счастье и несчастье
Трёт летящий мимо
Офонаревший сблоренный турист.

Аркадия

Земную жизнь пройдя до половины,
Я очутилась в сумрачном лесу,
Тут, глядь, бурундука в руках несу,
Тяжёлую и бурую скотину.

Мысль изреченная есть мышь, есть бурундук,
Зверёк с когтями, трудная куница.
Сухого дерева мне слышен гулкий стук.
Мне выпало в Аркадии родиться.

Уж пить пошли

В Санкт-Петербурге в это время, матушка,
уж пить пошли,
а вы едва встаёте,
халат наденьте хоть.
Отстань, Марфутка,
не хочу халату,
тащи мне киселя!

Хлебать его далёко
поехали вы, матушка.
Молчи, коварка.
Старая дрянная сковородка,
тебя не разумею.
На чём-нибудь прозрачней
изъяснись, пожалуй.

Закат

Вставала поздно, завтракала под вечер.
Глашка пекла блины, в хрустальных блюдах
Сидело варенье черничное и вишнёвое.
Садилась к фортепиано,
Играла первые полторы фразы этюда всё лучше и лучше
И собиралась на днях разобрать вторую половину.
На столе слегка ворошила бумаги,
В которых сохранялось нечитаным
Вчерашнее письмо.
Надевала кольцо из шкатулки.
Выходила в сад в кисейном платье.
Вставив в мундштук сигарету, морщась, курила.
Глядела на розовые облачка над кромкой леса.
Занимался закат.

Сторож

У леса поле в сыром снегу, дорога вспорота,
У въезда тихо, цепь не шуршит, собака не лает.
Выходит из будки утлой к железным воротам,
Долго возится с цепью, наконец открывает.

Звонят неслышно под снегом застывшие ветки,
Не руша звоном дрёму чёрного бора.
Как в снег улечься, с лицом укрыться, уснуть навеки
Под тенью глубокой гофрированного забора.

Набоков

Набоков
составлял слова из букв,
упавших набок.

Почему

почему синее море
фермопил деревянное небо

молчание было им ответом

что как не сойка вскрикнет
и нырнёт с башни суэца

молчание было им ответом
молчание было им ответом

во дворе-колодце со дна бетона
мы смывали кровь обычно садовым шлангом

Проходите

Велимир Казимирович, здравствуйте, проходите,
Не хотите ли чаю, сладостей, папиросу, ну что же вы ничего не хотите,
У меня теперь, знаете, одни кошмары,
Сны комиссара, так и не увиденные комиссаром.

Ну так, мелочи всё, мелочи, вам не может быть интересно,
Вы ведь воскресли, хоть и не весь — весь, говорит, не воскресну;
Тук, перетук, стук, перестук железнодорожного состава,
И как со влажным щелчком выходит рука из сустава.

Комната

Комната, как желе, стекала углами,
Где-то щёлкало реле соловья.
С беспощадной жалостью
Он улыбался ей.
Нерелевантная доброта
Сочилась из трещин лица.
Рёв канала
Реввоенсовета,
Вы слышали что-нибудь про опыты Тесла? —
Нет, но тело тесно весьма
Опыты гестапо
Тело тесно тому которого рвут
Которое закопают во рву
Ещё подающее признаки жизни
Дышащее ещё
Ещё дышащее
Шевелящее покров травяной
Травяной покров шевелящее ещё

Неверморканал

Бэрримор, когда вы работали на Неверморканале,
Вы о чём думали, Бэрримор, вы о чём вспоминали?

Ни о чём, ни о чём Бэрримор не думал,
Ничего он не вспоминал,
Он строил, рукава засучив, Неверморканал.

Побег

Городская мазурка,
Мазурики в Петрограде, товарищ маузер
Не слышит, и может, и слава богу,
Кожанка только потёрлась, а так ничего —
Э-по-ха
Дворца штандартов алкала,
В шапочке лыжника с развевающимися хвостами
Слегка набекрень
От деревни альпийской до предгрозовых мажорий
На лыжах прошёл, посекло щёку снегом, и на поезд в
Женеву успел,
Я бы представился мажордому мировых пожариц,
Но передумал, знаете.
Как-то не захотел.

Недурно

Недурно... Мне подали блюдо — сурка
И бритвенный тонкий прибор.
Гарсон! Как румянится ваша щека,
Лоснится прилежный пробор...

Сквозь лупу гляжу на господ и на дам,
Поскольку утерян лорнет.
Я верю всему и во всё, даже вам,
Но в эту реальность — о, нет.

Мутит от скользящих улыбчивых уст —
От устриц, наверно, тошнит?
Да, я понимаю, как мир этот пуст,
Но сколь убедителен вид!

Уродует песню тапёр, жмёт педаль,
Наглея в бесстрастии ламп.
Он бьёт благородного зверя — рояль —
Наотмашь по белым зубам.

Сюда нам хотелось, в прелестнейший ад?
Так вот он, ура, наконец.
Оставьте рояль, он-то чем виноват?
Не слышит и лупит, подлец.

Находка

Бабушка в огороде как-то нашла пятак,
С двуглавым орлом и короной,
Стёртый до неразличимости,
В жирной чёрной земле,
И положила на печь. Первым при свете дня,
Сочащегося сквозь занавески,
Обнаружил его Василий.

Я пробовала и так и сяк
Выцыганить у него пятак,
Но чем больше просила и чем больше я предлагала,
Тем крепче сжималась загорелая рука
С пятаком, стёртым почти до неразличимости,
С двуглавым орлом и короной,
Который первым с утра обнаружил, как назло, Василий.

Я могу принести тебе чашку крыжовника, и чашку шелковицы,
И чашку вишни.
Я могу тебе нарисовать десять таких монеток.
Я могу тебе предложить прозрачную пуговицу
И стеклянный шарик,
Кусок мела, моток медной проволоки и воробьиный череп.

Ничего не хотел Василий за свой пятак,
Знал, что за сокровище ему досталось.
Пришлось ему рассказать,
Что этот пятак мне не так уж и нужен вообще-то,
Вообще-то даже совсем не важен
И что у меня даже был один раз серебряный рубль.
Правда, я его потеряла.

Слушает и кивает, главное, не просить ещё раз посмотреть.
Деньги — причина всех бед, ими также можно звенеть.
Знаешь что, сказал Василий,
Я вижу, тебе очень нужен этот пятак,
Бери же его за так.

Кириллицы

кириллицы послушные жучки,
трудолюбивые кататели навозных шариков,
пожухли.
шелкопряды латиницы прелестной,
оуклившись, сидят
и рта наружу
не кажут,
скоро выползут, помятые, и, на коре ещё немного посидев,
передохнув после второго, трудного рождения,
порхнут как не было,
как огонёк карбида,
взорванного на пустыре.

Речь

И среди туманов бледных
И садов дремучих, бедных,
В бархате зелёных слив,
Звоне трав сухих и медных,

В дыме вер и тьме наречий
Я узнаю проблеск вечный:
Глуховатый перелив
Благородной русской речи,
Речи дальних и ничьих.

Луна Далласа

Даллас чёрной жидкостью
Стекает за голенище куртки
И бьётся в сапоге проклятой рыбой,
Автомобиль струится, как
Шарф газовый на сквозняке,
И у фонтана, захлебнувшегося
Так называемой музыкой,
Нужду справляет жестяная банка,
Катаясь по камням четырёхугольным,
Незнаемой травой между бордюрами,
И кто бровью нечаянно зачерпнул
И краем глаза
Задел нечаянно,
Тот всё, один обломок
Пустой пластмассы с рваными краями,
Я сказала
В очередной метели летней,
Несущей ворох,
Что не буду
Тебе ни братом, ни сестрой.
Зубами скрипнув,
Люк сдвинулся над антигородом подземным,
И в щель его глядит себе раскосо
Располовиненная лунка
Луны Далласа.

Качели

После дождя пахнет сеном, нагрешейся рыжей травой.
Висят качели, не нужные никому, по крайней мере тебе.
Стоит забытый стул, выкрашенный в голубой,
На нём забытый шарфик, намочший в пряном дожде.

Хорошо, катая в руке ленивый соскальзывающий карандаш, —
Небо занято облаками, как горизонт небоскрёбами, примерно на треть, —
Вглядываясь в пейзаж,
Не видеть в нём ничего, о чём можно было жалеть.

Солнечный зайчик

Родина моя, золотой тушканчик
Тушки луча, распластанной по полу
Сумасшедшего дома.
Юность моя, заморыш в кадке и лица
Бледная луна женщины сорокалетней.
Застиранный халат мой,
Не отстиравшаяся ночнушка
В пятнах крови
Менструальной и так, чёрная рвота той,
У которой печень.

Утка

в труху истёрла вусмерть задолбала
в зубах навязла скисла калевала
перемолола жидкого металла
оплавленную вязь пережевала

и ходит хитрый и слегка согнутый
оглядываясь в темноте под утро
микстуры и текстуры перламутра
в грядущем предугадывая утку

и жутко хоть давно уже не жутко
звени эмалированная шутка

Эдит Пиаф

В комнате когда-то висел ковёр.
Под утро
Вошла и присела на кровать ко мне
Старенькая Эдит Пиаф
В кружевной комбинации,
Напоминающая мою бабушку.
Все пожилые женщины похожи, как сёстры.
Овеивающее погребом,
Где хранились маринады и соленья,
Я сейчас застала на своих ещё не седеющих висках.

Эдит Пиаф,
С картинки-открытки-пластинки,
Как «Поздравляю с Новым годом!» и зайчик
Едет на санках в гости к дяде Медведю,
Играющему роль Деда Мороза
На утреннике в детском саду.

Вакантная красавица.

Во всяком случае, ничего
Конкретного,
То ли родинка на плече, то ли накладные ресницы,
То ли причёска в стиле семидесятых,
То ли шестидесятых.

И хотелось бы услышать какой-то стук,

Лёгкое треньканье, уносящееся в пустой зенит,
Где солнечные круги,

Редкое небесное явление,
Осаждённый город,
Звездочёт в башне.

Эдит Пиаф,
Имя сирены, сивиллы, мультипликационного персонажа.
Поверхность странной конфигурации.
Повисшая рука.

Нью-Йорк

в ту зиму в нью-йорке
было так холодно почему-то
почему-то так холодно
или может быть так казалось
но казалось очень убедительно
очень навязчиво казалось
что самое лучшее было сидеть в квартире
одно окно которой выходило на манхэттен
а второе во двор
в первом окне до глубокой ночи шуршала улица
корчилась безъязыкая на языках мира
как океан шумела какой-нибудь непонятный
не то кричала о помощи не то билась в пьяном восторге
звенела стеклом как ткань рвался смех
а другое окно совсем другое дело другое выходило
во дворик узкий питерский двор-колодец
с такими же глухими окошками подслеповатыми
одним синим
и другим оранжевым
в том что синим
висел снаружи голубой пакет полиэтиленовый как флажок
на ветру беззвучно шевелился
то есть беззвучно если отсюда а если оттуда
то наверное шелестел без перерыва
а в том что оранжевым
виден был холодильник в магнитиках
вообще предметы
как-то было странно наблюдать в нью-йорке
как будто нью-йорк должен был обходиться без предметов

без латунного пустого гнезда с отсутствующей кнопкой
и надписью janitor
без рёбер динозавров вращающихся дверей
выпускающих из метро
без утвари кухонной без старых чемоданов без открыток
желтеющих без чёрно-белых фотографий
сад расходящихся молний
как если бы уже преодолел конвейер обед заменил таблеткой
вживил карточки упразднил деньги написал все книги
полетел к другим галактикам к третьестепенным планетам
изничтожил кариес спид рак простуду
как будто детские воспоминания у всех одни и те же
одни и те же спандж боб и морская звезда патрик
связь повсеместная самодвижущиеся экипажи путеводитель
по галактике в кармане

Линька

Вымела горку мёртвых сухих жуков
Из своего тропического жилища,
Рога, хрустящие крылья и с зазубринами лапы,
Шуганула изумрудную ящерицу в душе —
Чуть не поскользнулась на ней, заразе,
А уж как испугалась. Под окном до утра
Орала и тёрлась о баобаб коала.
Линька у них,
Сообщил абориген невозмутимо,
Из-под надвинутой шляпы
Помятой сигариллы
Дыма струя.

Пальто

авторский перевод с английского

когда планета, с которой она была,
взорвалась,
оставя облако газа,
были выжившие,
в туристических и бизнес-поездках,
занятые торговлей, искусством и наукой,
в различных уголках, там и сям, разбросанные по вселенной,
и печальное племя святотатцев, заключённых на отдалённой луне,
вот и всё, что осталось от процветающего народа,

с дневником на исчезающем языке в потрепанном саквояже
путешествуя по обледенелым
улицам и улицам
незнакомого города с подъездами,
оформленными удивительно знакомо,
о чём она думала,
одна из последних граждан,
так и не воткнувшая свой жирноватый корень
(заметный под подолом пальто)
в новую ледяную почву?

Морозная пыль

пади пади раздался крик
морозной пылью серебрится его брововый воротник
как же быстро написано
как кистью
как иероглиф
молниеносно
слово молниеносно какое-то медленное
многоступенчатое
как иероглиф
как какая-то церемония

морозной пылью серебрится —
это наверное и есть россия-которую-мы-потеряли

вся — пыль на морозе

и — неважно если — никогда не было

чего другого может и не было

эта пыль — была

Пушкинская площадь

Я стою здесь, на спешащем,
На летящем перекрёстке,
Ветер кружит, ветер кружит
У лица волос отрывок;
Я стою здесь, надо мною
Бронзовый стоит, ослепший,
В холоде заоченевший,
В ясности забронзовевший,
Головы не повернувший
И лица не наклонивший,
Всё сказавший, всё сумевший
Александр Андреич Пушкин,
Всех простивший.

Князь Вяземский

князь вяземский
пишет записку писареву
приезжай мол голубчик писарев
сыграем в вист с тобой
а не то пульту распишем
выпьем с тобой виски
пойдём с тобой на охоту

на выпь

выпь она до линия охоча
щучки же теперь в река́х много

а потом приедет луначарский
на своей вороной победе
а куда мы с тобой поедем
туда уж никто не поедет

так что ты приезжай писарев голубчик

Кольцо

Кто-то должен носить большое кольцо на ажурной перчатке
И руку держать у лица,
Кто-то должен с рыжею чёлкой и, может быть, шалью,
За кем до конца, до конца
(Кто-то должен, но пусть это буду не я)

Перед хладом и бездной практически
В платьице жалком ужасно,
Изобличающем бедность,
Лихо пройтись по прибрежной косе,

И раздуть свои тонкие ноздри на горький дымок
Кто-то должен вот так, на смену вчерашней:
Не то лента на шее, не то бледной тени скользящая полоса,
Просвистеть в пустоте нарочитой цитатою
И слегка потрепать по зашивку лохматого пса.

Содержание

Достоевсковед	3
Будочник	4
Гроза	5
Другой случай	6
Портрет	7
Итальянская площадь	8
Баба Валя	9
Сергей Васильев	10
Тропинка	12
Московское метро	13
Из Лорки. Пригрезившееся	14
Озеро	15
Киев	16
Жеже	17
Сан-Марко	18
Нипочему	19
Тряпочка	20
Железная дорога	21
Лакан	22
Жук	23
Троллейбус	24
Медведи	25
Носитель подводного языка	26
Наррация	27
Чего не может быть	28
Пианино	30
Далёко	31
Пейзаж	32
Яуза	33
Монумент	34
Ценитель	35
Житие	36
Ночное	37
Жесть	38
Исчисление	39
Иркутск	40

Гобелен	42
Знак	44
Вечер	45
Железнодорожное	46
Колонны	47
Египетск	48
Век двадцатый	49
Воспоминание	50
Країна мрій	51
Велось	52
Говорящая рыба	53
Под утро	54
Глаза	55
Император	56
Аркадия	57
Уж пить пошли	58
Закат	59
Сторож	60
Набоков	61
Почему	62
Проходите	63
Комната	64
Неверморканал	65
Побег	66
Недурно	67
Находка	68
Кириллицы	70
Речь	71
Луна Далласа	72
Качели	73
Солнечный зайчик	74
Утка	75
Эдит Пиаф	76
Нью-Йорк	78
Линька	80
Пальто	81
Морозная пыль	82
Пушкинская площадь	83
Князь Вяземский	84
Кольцо	85

Василина Орлова. Мифическая география

редактор:

А. Переверзин

корректор, технический редактор:

О. Тузова

издательство «Воймега»

voymega@yandex.ru

alkonost.mail@gmail.com

Подписано в печать 30.12.2015

Формат издания 60x90/16. Усл. печ. л. 5,5

Тираж 500 экз.

Поэтическая вселенная Василины Орловой не ограничивается только «родным и понятным». И дело не в очевидном знакомстве автора с иной географией, а в благородном неприятии любой — будь то культурная, интеллектуальная и проч. — местечковости. В этом смысле это, безусловно, мировая поэзия.

Дмитрий Веденяпин

Стихи Василины Орловой — передвижение канатоходца между смыслом и эмоцией. Кажется, ещё немного, и стихотворение потеряет баланс, автор оступится и упадёт — но нет, он всегда приходит и приводит читателя в конечную точку аттракциона. Орлова хорошо усвоила завет Батюшкова о симметрии проживаемого и написанного. Она абсолютно равнозначна своей интеллектуальной, интертекстуальной лирике. Отсюда отсутствие страха высоты, отсюда отчётливо различимый и узнаваемый голос.

Александр Переверзин